

Максим Пулькин

Еврейское население Европейского Севера: проблемы социального конструирования (конец XIX — начало XX в.)¹

Максим Викторович Пулькин

Институт языка, литературы
и истории Карельского
научного центра РАН,
Петрозаводск /
Петрозаводский
государственный
университет

Территорией исследования является Европейский Север России — особая часть культурного пространства Евразии, характеризующаяся длительным мирным сосуществованием финно-угорских и русского этносов. Появление на этом пространстве евреев стало следствием ряда случайностей, небольших послаблений в российском законодательстве и не в последнюю очередь незаурядной настойчивости некоторых представителей еврейского народа. В 70-е гг. XVIII в. в Российской империи произошли существенные перемены, связанные как с расширением ее территории, так и с включением в ее состав новых народов, в числе которых особое место занимали евреи. Контакты славян и евреев более или менее успешно осуществлялись со времен Киевской Руси [История евреев 2007: 5–36]. Но

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

в данном случае речь шла о появлении на территории Российского государства сотен тысяч евреев, живших на территории Польши. После разделов этого многострадального государства «евреи переехали в Россию, не сходя с места» [Западные окраины 2006: 303].

Известно, что на первых порах российская власть стремилась к эмансипации евреев, «к интегрированию их в российское общество» [Западные окраины 2006: 308]. Однако в целом правительство «проводило довольно путаную политику» в отношении евреев, оказавшихся под властью России [Клиер 2000: 147]. Сформировать отношение к ним помогло мнение известного российского государственного деятеля и знаменитого поэта Г.Р. Державина. Он первым вполне определенно продемонстрировал правящим кругам, что «евреи представляют собой особую категорию, что их жизнь в России не укладывается ни в какие нормы и что для управления ими требуется специальная политика» [Клиер 2000: 192].

В России проживала значительная часть еврейского народа. Так, в конце XIX в. (по данным переписи 1897 г.) в России насчитывалось 5,3 млн евреев, или 4,15 % всего населения. Евреи занимали пятое по численности место среди народов империи. Подавляющее большинство евреев (99,6 %) составляли ашкенази, жившие в западных губерниях России и в Польше [Юхнева 1992: 77]. Однако размещение евреев на территории страны оставалось специфичным. Известно, что все пространство России вне черты оседлости, открытое для иностранцев всего мира, было по-прежнему закрыто (в XIX — начале XX в.) для евреев.

Количество евреев, проживавших на Европейском Севере России легально, было сравнительно небольшим. По данным на начало XX в., их численность составляла в Архангельской губ. 252 чел. (0,08 % от общей численности населения), в Вологодской губ. — 425 (0,03 %), в Новгородской — 4740 (0,35 %), в Олонецкой губ. — 403 (0,11 %). Значительно большей была численность евреев в Санкт-Петербургской губ. — 21270 чел., или 1,02 % от общей численности населения обоего пола [Сборник материалов 1904: табл. 2].

Определение точного числа проживавших на той или иной территории евреев весьма затруднено. Парадоксальность ситуации заключается в том, что одни евреи изо всех сил стремились закрепиться в городах Русского Севера, но местные власти, руководствуясь законом, всячески им препятствовали. Другие евреи попадали на сюда не по своей воле, а по приговору суда или распоряжению чрезвычайных органов власти и жили под

гласным надзором полиции. Поясним сказанное. Во-первых, в статистику не попадали евреи, сосланные на Европейский Север за участие в революционном движении [ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4105, 4325, 4850, 4898, 4921, 4945, 5180 и др.]. Между тем имеющиеся источники указывают: ряд северных губерний, в частности Архангельская и Вологодская, стали в конце XIX — начале XX в. местом ссылки многих десятков революционеров, среди которых процент евреев был довольно высок. Во-вторых, многие евреи находились на Европейском Севере временно, постоянно рискуя быть выселенными, на полулегальном положении, и архивные фонды полицейских учреждений и жандармского управления содержат многочисленные дела об их выдворении за черту оседлости.

Условия и основные направления хозяйственной деятельности еврейского населения за чертой оседлости

К началу XIX в. ограничения евреев в правах на всей территории Российской империи были незначительными и касались преимущественно языковых вопросов: от евреев требовали использования русского языка при обращении в органы власти. Так, по высочайше утвержденному в декабре 1804 г. Положению «Об устройстве евреев» все они объявлялись свободными в выборе места проживания, им дозволялось пребывать «под точным покровительством законов наравне со всеми другими российскими подданными» [Высочайше утвержденное 1997: 266].

В правление Николая I постепенно сформировалась значительно более жесткая политика. В апреле 1835 г. в правовом положении евреев произошел существенный поворот. Введение так называемой черты оседлости на многие десятилетия предопределило непростую судьбу каждого российского еврея. Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии находились вне черты оседлости, поэтому важным условием стабильного проживания евреев на Европейском Севере России становилось наличие у них соответствующего образования, значительного опыта работы, востребованной местным населением специальности.

Реформы 1860–1870-х гг. создали предпосылки для активизации антисемитских тенденций в русском обществе, в котором евреи зачастую воспринимались как неравноправная и незащитная часть населения империи. Дискриминация евреев и негативное отношение к ним усилились после убийства Александра II в 1881 г., в котором принимала участие еврейка [Мионов 1999: 37]. Это породило волну антисемитских настроений по всей стране.

Характерен случай, произошедший в 1881 г. в одной из гостиниц Великого Устюга. Местный житель читал газету «Сын Отечества» для небольшой компании друзей. Речь шла о еврейских погромах в Киеве. Прослушав текст, двое из присутствующих «отозвались с запальчивостью, что теперь евреев следует бить и душить, и что это приказал государь император Александр Александрович». Третий слушатель, не разделявший антисемитские настроения, «заметил им, что за эту угрозу могут подвергнуться ответственности». На это первые двое заявили: «А, если и ты к ним пристаешь, то и тебя надобно бить». Начавшийся после этого шум прекратил внезапно появившийся хозяин гостиницы. Инцидент, который в России начала XXI в. сочли бы ничтожным, стал предметом тщательного разбирательства в жандармском управлении. Последнее, впрочем, обвинило участников событий лишь в нарушении общественного порядка [ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 330. Л. 1–3].

Правовое положение еврейских диаспор, отношение к ним местного населения самым непосредственным образом влияли на их образ жизни, способы ведения хозяйства, восприятие окружающего мира. На всем пространстве России «была разбросана горсть привилегированных евреев, допускавшихся на жительство вне черты <...> Напор бесправных евреев в эту запретную область сдерживался самыми суровыми мерами» [Дубнов 1923: 67]. Положение большинства евреев за чертой оседлости наиболее подробно определял закон, датированный 28 июня 1865 г. В соответствии с ним евреям-механикам, винокурам, пивоварам и «вообще мастерам и ремесленникам» дозволялось проживать «повсеместно вне черты, для постоянной оседлости евреев назначенной». При этой группе евреев могли находиться за чертой оседлости их дети, несовершеннолетние братья и сестры. Этот же закон позволял молодым евреям (не старше 18 лет) приезжать в местности, «лежащие вне упомянутой черты, для обучения мастерствам» [ГААО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 383. Л. 2]. Губернские правления, другие органы местной власти постоянно собирали сведения о евреях для выявления тех, кто перестал заниматься ремеслом и, следовательно, утратил право на проживание за чертой оседлости. Законодательство по еврейскому вопросу самым заметным образом побуждало евреев осваивать те специальности, в которых нуждалось местное население, и добиваться все более заметных успехов в профессиональной сфере.

В целом можно сказать, что в черте оседлости занятия евреев заметно отличались от тех профессий, которые они выбирали в Вологде, Архангельске и Петрозаводске, равно как и в других городах, находившихся за пределами той территории, где про-

живание евреев разрешалось без каких-либо ограничений. Известно, что в южных губерниях Российской империи евреи, «самый трезвый в мире народ», были поставлены «в такое трагическое положение, что тысячи из них должны были ради добывания куска хлеба служить орудием распространения губительного русского пьянства» [Дубнов 1922: 10].

На Европейском Севере России преодолевалось, а точнее говоря, не прижилось, стереотипное представление о евреях как о содержателях питейных заведений. Здесь они предстают как трудолюбивая часть общества, занятая производительным трудом. Эта сторона жизни евреев самым тщательным образом, вплоть до внезапного посещения еврейских мастерских, контролировалась местной властью.

В органах власти (губернском правлении, полиции) накапливались сведения о занятиях евреев. Особенно ценным источником сведений здесь стали материалы переписи населения 1896 г., в ходе которой изучалось положение еврейского народа. Эти материалы отложились в фондах губернских правлений в виде отдельных дел [НА РК. Ф. 1. Оп. 52. Д. 4/48. Л. 2–10 об.]. По имеющимся неполным сведениям, подавляющее большинство евреев из числа отставных солдат и их родственников занимались торговлей. Те и другие имели право согласно закону свободно жить за чертой оседлости. Среди тех, кто поселился за чертой оседлости на правах ремесленников, популярным занятием стало «портняжное мастерство». Многие десятки евреев были сапожниками, часовщиками, ювелирами, зарабатывали на жизнь шляпным и шапочным, чулочным ремеслами, парикмахерским, слесарным делом, починкой резиновых вещей. Один петрозаводский еврей работал адвокатом. Местной спичечной фабрикой также владел еврей. Крайне редко встречаются свидетельства о евреях, не имевших определенных занятий (в основном это инвалиды).

Местное население, пользуясь услугами евреев-ремесленников и торговцев, за небольшими исключениями, не поддерживало антисемитские настроения. По мнению известного историка М.И. Туган-Барановского, «в глазах крестьян, только по религиозным соображениям, еврей не земляк, а чужак, но вовсе не враг» [Туган-Барановский 2004: 360]. Современный исследователь истории сибирских евреев В. Ю. Рабинович отмечает: «К 60-м гг. XIX в. евреи уже стали привычным элементом местного общества, но все еще казались обывателю частью какого-то странного, непонятного, может быть, и опасного мира» [Рабинович 2004: 6]. Однако в епархиальной периодической печати Севера России иногда встречались «модные» антиеврейские высказывания, призванные

поддержать стереотипный образ еврея-мошенника и корыстолюбца: «Того и бойся, что придет какой-либо пройдоха-немчина, а то еврей-обдувало [курсив мой. — М.П.], притворится странником, поживет, поживет, обкрадет всех, да и вон из деревни» [Ш-н 1900: 461–462].

В действительности евреи, жившие за чертой оседлости, сами становились жертвами, мягко говоря, непродуманной экономической политики властей. Об этом свидетельствуют материалы дела о выселении еврея А. Штензата из Петрозаводска в 1864 г. После прибытия в губернский город в 1862 г. он начал торговлю «разными галантерейными вещами», уплатил все причитающиеся сборы и надеялся на успешное развитие своей коммерции. Несчастный не подозревал, какая ему уготована участь. Впоследствии он писал: «Торговля производилась по большей части на доверие и кредиты и окончательно меня разорила, так что я в нынешнем 1862 г. собирал долги, но всех не успел собрать <...> Полиция выгнала меня насильно из города Петрозаводска, и чрез то я понес чрезвычайную убыль» [НА РК. Ф. 2. Оп. 4. Д. 18/376. Л. 2]. На помощь Штензату прибыл из Витебска еврей Е.Ш. Хазан, но и ему не удалось решить проблему. Олонекское губернское правление распорядилось «немедленно выслать» и Е.Ш. Хазана из Петрозаводска [Там же. Л. 7].

Изгнание евреев из городов, находившихся за чертой оседлости, превратилось в обычную практику в конце XIX в. Одно из первых дел такого рода датировано 1880 г. Вологодское губернское правление, рассмотрев дело о водочном мастере Янкеле Пиндусе, пришло к заключению, что он «торгует бакалейными товарами по доверенности». Следовательно, «как не занимающийся своим мастерством», он «подлежит высылке в место своей оседлости» [ГАВО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 839. Л. 2]. Вмешательство в решение этого вопроса московского купца первой гильдии Г.А. Шмелькина, чьи интересы Я. Пиндус представлял в Вологде, не привело к пересмотру дела. Как говорилось в документах губернского правления, приказчик московского купца Пиндус обязан «находиться непосредственно при своем доверителе и не может производить торговлю в другом городе».

В 1892 г. вологодская ремесленная управа занялась пристальным изучением профессиональных занятий евреев-ремесленников, «чтобы удостовериться, действительно ли евреи занимаются предоставленными им ремеслами». При посещении мастерских представителями управы оказалось, что многие евреи не только не занимаются своими ремеслами, но и торгуют «готовыми привозными товарами», что им категорически за-

прещалось. Члены ремесленной управы «внушали, чтобы евреи-ремесленники занимались ремеслом». Но, как утверждалось в документе, все эти «внушения» евреи «оставляли безо всякого внимания». Итогом рассмотрения дела в губернском правлении стало предписание о выселении нескольких евреев с семьями из Вологды «как не занимающихся своим ремеслом» [Там же. Д. 758. Л. 37–38].

В Архангельске аналогичное дело рассматривалось в 1878 г. Местный полицмейстер обнаружил в числе проживавших в городе евреев И. Цитринבלата, исполнявшего в местной еврейской общине обязанности резника. Считая, что навыки резника и его услуги не являются насущно необходимыми местному населению, полицмейстер настаивал на высылке И. Цитринבלата из Архангельска «в места, назначенные для постоянной оседлости евреев» [ГААО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 373. Л. 1 об.]. Пытаясь отстоять свое шаткое право на проживание в Архангельске, Цитринבלат смог каким-то образом получить аттестат «на звание мастера стекольного ремесленного цеха». Однако и эта отчаянная попытка оказалась неудачной: местному начальству удалось выяснить, что аттестат получен заочно, без необходимого по закону «испытания его старшиною цеха». Цитринבלату пришлось покинуть Архангельск и отправиться за черту оседлости [Там же. Л. 9 об.].

В 1893 г. Министерство внутренних дел предприняло попытку радикально пересмотреть политику в отношении еврейского населения и добиться отъезда за черту оседлости тех евреев, которые «не удовлетворяют установленным в законе условиям для пребывания во внутренних губерниях». Во избежание «экономического расстройств подлежащих выселению евреев» следовало заблаговременно известить их о предстоящем выдворении и назначить каждому из них срок, не менее четырех месяцев, «в течение которых они обязаны выехать из губернии» [ГАВО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1000. Л. 1]. Несколько дольше отведенного срока могли оставаться в Вологодской губернии евреи, «производящие торговлю», имеющие недвижимую собственность или многочисленное семейство. Но в целом к ноябрю 1893 г. выселение евреев следовало завершить с тем, чтобы «в губернии остались на жительстве лишь те евреи, которые по закону имеют право жить вне черты еврейской оседлости» [Там же. Л. 1].

Такое радикальное решение вызвало недовольство не только самих евреев, подлежащих выселению, но и местных жителей. Как говорилось в распоряжении Вологодского полицейского управления, предстоящее изгнание евреев «вызвало массу ходоатайств не только со стороны евреев об отсрочке их высылки

за черту оседлости, но и ряд просьб по тому же предмету со стороны христиан, которые в течение долгого времени вступали с евреями в правовые, имущественные и личные отношения» [Там же. Л. 62]. В результате конечный срок выселения незаконно проживавших евреев был отодвинут. В исключительных случаях губернатор по распоряжению министра внутренних дел получил право «ходатайствовать об оставлении евреев в местах их временного поселения до особого распоряжения центральной власти».

В то же время суровые ограничительные меры подтверждались: полиция получила предписание «иметь неослабное наблюдение» за тем, чтобы нигде в губернии «ни под каким видом, под опасением строжайшей ответственности чинов полиции, не допускалось жительства тем евреям, которые на это по закону прав не имеют» [Там же. Л. 62]. Сходный жесткий порядок решения дел о проживании евреев в городах Европейского Севера сохранялся и в дальнейшем. Так, в 1900 г. по приговору Вологодского окружного суда виленский мещанин Л.И. Залудник «за производство торговли не своего ремесла вне черты, назначенной для постоянного жительства евреев», был выслан полицией «в места, назначенные для постоянного жительства евреев» [Там же. Д. 1062. Л. 1].

В начале XX в. ситуация вокруг еврейских переселенцев из-за черты оседлости постепенно менялась, становясь значительно менее жесткой. В современных исследованиях высказывается мысль о том, что эти перемены в отношении к евреям связаны с внешним давлением со стороны как европейских правительств, так и еврейских финансовых кругов [Миндлин 1996: 81]. Так, в 1908 г. в г. Вологде полицейское управление обнаружило двух евреев-приказчиков, действовавших от имени купцов 1 и 2 гильдий, жиших в черте оседлости. Отмечая этот факт, управление подчеркивало, что нарушения закона не происходит: «Евреи — купцы первой и второй гильдий — имеют право приезжать во все города внутренних губерний для производства торговли и промыслов без ограничения числа таких приездов с тем лишь, чтобы временное их там пребывание в общей сложности не превышало: первых шести, вторых трех месяцев ежегодно». В случае «невозможности лично отправиться во внутренние губернии империи» евреи могли присылать своих приказчиков [Там же. Д. 1167. Л. 72].

Сходным оказалось решение Вологодского губернского правления в отношении других евреев. Так, в 1908 г. Ремесленная управа обратила внимание на супружескую чету евреев Розовских — мастеров «белошвейного ремесла». Оказалось, что Вульф Розовский и его супруга проживают в Вологде более

восьми лет, имеют двоих детей, обучающихся в Вологодской мужской гимназии. За это время, оставив занятия белошвейным мастерством, Вульф стал работать на железной дороге и одновременно вел «торговые дела с местными торгово-промышленниками». По отзывам знавших его людей, В. Розовский оказался «вполне добросовестным человеком и даже полезным». Его жена все это время занималась своим ремеслом, «выполняя работу среди своих знакомых». Решение вологодского начальства оказалось вполне позитивным для трудолюбивой четы. Розовские, говорилось в документах Вологодского губернского правления, «выселению не подлежат» по ряду причин и, в частности, в соответствии с вполне гуманным циркуляром Министерства внутренних дел. В нем предписывалось: «Родители таких детей, которые обучаются в учебных заведениях, находящихся вне черты еврейской оседлости, могут возбуждать ходатайства о разрешении им совместного жительства с детьми для доставления последним средств к окончанию образования» [Там же. Л. 254].

Случаи выселения евреев из городов Европейского Севера за черту оседлости с начала XX в. до начала Первой мировой войны случаются все реже, но имеют место быть. Так, в 1909 г. Вологодское губернское правление рассматривало дело о праве проживания за чертой оседлости еврея Мордуха Дыкшмана «в качестве домашнего учителя математики». Изучив обстоятельства дела, губернское правление пришло к заключению, что учителя не упоминаются в действующем законодательстве в числе лиц, «которые могут проживать вне черты еврейской оседлости». Поэтому губернское правление, говорилось далее в документе, «не может признать за последним права на проживание в городе Вологде» [Там же. Л. 736].

Итак, одним из основных направлений деятельности власти в вопросе о хозяйственной деятельности евреев стало сдерживание их предпринимательской инициативы. Это сдерживание определило облик еврея, уровень его успехов на хозяйственном поприще за чертой оседлости, его отношение к российской власти. Анализируя ситуацию начала XX в., Туган-Барановский писал: «На сегодняшний день в обыденном представлении насаждается вера в то, что вражда к евреям разжигается с согласия правительства» [Туган-Барановский 2004: 361].

В современной литературе высказывается мнение о том, что таким образом устранялся самый опасный и эффективный конкурент местного купечества. Так, А. Миллер, оценивая успехи евреев в экономической сфере европейских стран и России, дает следующую характеристику перспектив еврейских предпринимателей: «Если опыт Германии показывал, что

евреи могут выигрывать экономическое соревнование даже у немцев, то у “обломовых” совсем не оставалось шансов» [Миллер 2006: 137].

На основании имеющегося материала можно увидеть и другой аспект данной проблемы: еврейское население в XIX — начале XX в. стало объектом масштабного социального эксперимента. Царское правительство заставило данную группу населения в максимальной мере служить интересам коренного населения империи, а не конкурировать с местными предпринимателями. Таким образом, с одной стороны, снижалась напряженность, неизбежно возникающая при появлении новой, непривычной этнической группы. С другой стороны, сами евреи были поставлены в такие условия, когда учет интересов большинства населения становился для них важным фактором социальной адаптации.

Иудаизм: опыт поддержания идентичности

Если хозяйственная деятельность евреев была сферой сотрудничества с местным населением, то поддержанию идентичности еврейских диаспор в наибольшей степени способствовала религия. Известно, что в еврейской среде «фиктивное крещение, позорное само по себе, являлось сравнительно редким средством в борьбе с насилием» [Дубнов 1923: 68]. Документы зафиксировали «случаи угроз и нападения на “выкрестов”» [Соболевская 2004: 117] со стороны самих евреев, но и отношение русского сообщества к этой категории населения оставалось прохладным. Случаи крещения евреев по православному обряду крайне немногочисленны. Тем не менее «кое-кто пытался смягчить свою участь принятием православия» [Пудалов 1998: 11]. Так, в 1907 г. в Вологде была крещена политическая ссыльная Сарра Дубровская, «изобличенная в революционной пропаганде». Она решилась на этот непростой шаг, будучи беременной, для того чтобы вступить в законный брак с православным отцом будущего ребенка Н.В. Маркиным [ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2789. Л. 1, 22, 24].

Внезапное решение о крещении по православному обряду некоторые еврейские подростки принимали для того, чтобы избежать праведного родительского гнева. Так, в 1879 г. в Семигородской пустыни близ Вологды появился еврейский мальчик Ш. Гринберг, «изъявивший желание принять православие» [Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 825. Л. 13]. Получив радостное известие, Вологодская духовная консистория с энтузиазмом приступила к делу. Совместно с полицейским управлением она намеревалась взять с родителей мальчика подписку в том, что,

«если сын их, намеревавшийся принять христианство, пожелает возвратиться к ним, своим родителям, не будут ему за то применять каких оскорблений, тем паче истязаний». Если же сын откажется возвращаться к родителям, «то и они обяжутся предоставить ему, сыну своему, полную свободу действий». Причины поступка еврейского мальчика вскоре прояснились. Как указывал в своем заявлении в Рыбинское полицейское управление мещанин П.М. Гринберг, его сын совершил кражу 300 рублей, а также золотых и серебряных вещей. Украденные средства он тратил в увеселительных заведениях, «говоря, что деньги эти он выиграл на билиарде», а затем «неизвестно куда скрылся». Разочарованные полицейские и чиновники конси-стории распорядились вернуть Ш. Гринберга в отчий дом «че-рез полицейских служителей» [Там же. Л. 14].

В некоторых случаях обещание креститься в самое ближайшее время позволяло евреям оставаться за пределами черты оседлости и избежать трагедии выселения. Так, в 1913 г. вологодский губернатор предписывал полицмейстеру разрешить проживание в Вологде О.А. Заруб, готовящейся к принятию православия [Там же. Д. 1244. Л. 41].

Подавляющее большинство евреев бережно сохраняли религию своих предков. Это вполне объяснимо. «Инстинкт выживания в чуждом окружении заставлял консолидироваться вокруг некоего центра, роль которого выполняли общинные институты: молитвенные дома, духовные и хозяйственные правления» [Галашова 2005: 35]. Повсеместно за чертой оседлости небольшие группы евреев стремились создавать религиозные общины. Так, в 1870-е гг. евреи Нижнего Новгорода стали «добиваться права на создание общины, аналогичной той, к которой они привыкли в черте оседлости» [Пудалов 1998: 27]. Во второй половине 1860-х гг. в большинстве сибирских губерний (Томской, Иркутской, Енисейской) уже были открыты синагоги и молитвенные дома, где состояли «казенные» раввины [Клюева 2005: 42].

Религиозная жизнь еврейских сообществ стала объектом законодательной регламентации. Устав духовных дел иностранных исповеданий позволял евреям «отправлять общественные молитвы и богомолии» исключительно «в особых зданиях, для сего определенных». Каждое «молитвенное сообщество» евреев обязывалось избирать «правление», состоявшее из раввина, старосты и казначея. В обязанности раввина входило «объяснять в известных случаях сомнения, касающиеся богомоления и обрядов веры», совершать обряды обрезания и наречения имен младенцам, бракосочетания и расторжения браков. Он являлся «блюстителем и толкователем еврейского закона» и то же вре-

мя был обязан «направлять евреев к соблюдению нравственных обязанностей, к повиновению общим государственным законам и установленным властям». Староста был обязан «наблюдать и ответственность за порядком в синагоге», собирать добровольные пожертвования. Казначей вел приходно-расходные книги. Там, где бедность евреев не позволяла им иметь особого раввина, разрешалось «причисляться к ведомству раввина ближайшего города» [Свод законов 1857: 197–201].

Вполне объяснимо поэтому, что на всем пространстве Европейского Севера России поведение еврейских сообществ характеризовалось сходными чертами. Наиболее ранние свидетельства о формировании еврейской общины связаны с Архангельском. Известно, что иудейская община, состоявшая из купцов, существовала в портовом городе еще в XVII в., но еврейское сообщество старалось жить скрытно. Тем не менее от этого периода в Архангельске осталось старое еврейское кладбище [Шаляпин 1997: 19].

Дальнейшее развитие еврейских общин в городах Европейского Севера России связано с судьбами евреев-военнослужащих, для которых по распоряжению начальства периодически избирали или даже назначали казенного раввина. Можно сказать, что, негативно относясь к еврейским сообществам, периодически выдвигая в их адрес обвинения в ритуальных убийствах («кровавые наветы») [История евреев 2007: 244–255], власти, тем не менее, вынуждены были заботиться о формировании и полноценном существовании еврейских религиозных общин. Эта забота была связана с судьбами евреев-военнослужащих, волею начальства отправленных для прохождения воинской службы в гарнизоны северных городов. Лишь в дальнейшем, в 1880–1890 гг., иудейские общины стали пополняться приезжими энергичными евреями, имевшими разрешение на проживание за пределами черты оседлости и намеревавшимися неукоснительно сохранять в новых условиях древнюю веру своих отцов. Так, в Архангельске синагога появилась лишь в 1899 г.: она была возведена на средства купца И. Биндера [Шаляпин 1997: 19].

Полноценная религиозная жизнь еврейских сообществ сталкивалась с серьезными проблемами: отсутствовала планомерная подготовка раввинов, возникали материальные трудности при открытии синагог, заметно осложнялись как приучение подрастающего поколения к еврейским традициям и нормам жизни, так и сохранение языка.

Доказательством может служить ряд дел. Так, в документах Вологодского губернского правления сохранились свидетель-

ства о существовании в Вологде еврейской общины начиная с 1840-х гг. При этом известно, что местное военное начальство в течение ряда лет выдавало военнотружущим-иудеям деньги «на наем отдельного помещения для молитвословий на время двух праздников: Пасхи и Куши». Затем деньги выделять перестали, но для богослужений «по распоряжению командира батальона полковника Озерова было отведено помещение в казарме». Вскоре предоставленное воинским начальством помещение оказалось слишком тесным. Тогда евреи «стали нанимать отдельное помещение в частных домах на свой счет». Таким путем в Вологде появился еврейский молитвенный дом «без всякого разрешения со стороны как гражданских, так и военных властей» [ГАВО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 758. Л. 55 об.]. Иудаистские религиозные обряды, в частности обрезание, с 1857 по 1873 г. исполнял «за неимением казенного раввина» местный еврей мещанин Я.Т. Куперштейн; он же вел метрические книги. Судя по прошению отставных солдат Вологодского батальона, составленному в 1892 г., еврейские обряды «отправлялись при молитвенном еврейском доме исправно» [Там же. Л. 56]. Однако в дальнейшем богослужение и исполнение треб по невыясненным причинам прервалось.

Евреи, служившие в воинских подразделениях, прежде всего в городских гарнизонах, вообще нередко становились первоосновой для еврейских общин в городах Европейского Севера. Например, петрозаводская еврейская община начала отстаивать свои права в 1860 г. В этом году, вероятнее всего по просьбе своих подчиненных, командир петрозаводского внутреннего гарнизонного батальона подполковник Харитонов составил рапорт, в котором указывал, что во вверенном ему батальоне число евреев составляет около 200 чел. Они по закону, за отсутствием синагоги, могут собираться для молитвы в указанном месте под наблюдением одного надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина» [НА РК. Ф. 2. Оп. 4. Д. 15/318. Л. 1—1 об.]. Губернское правление, рассмотрев рапорт, вынесло негативное заключение. В Петрозаводске, указывалось в журнале правления, «помещений для молитвенных собраний евреев не назначено, а также никаких сумм для сего не ассигновано» [Там же. Ф. 1. Оп. 24. Д. 10/10. Л. 19].

Проблема была решена лишь в 1868 г.: служащие в петрозаводском батальоне евреи совместно «приобрели покупкою дом с землею», который передали в собственность своего воинского подразделения для того, чтобы вести постоянное богослужение. Как говорилось в составленных по этому случаю документах, «если же случится так, что в батальоне не будет состоять на

службе ни одного еврея», то батальон имеет право продать этот дом «и вырученные за него деньги разделить между беднейшими жителями города Петрозаводска еврейского закона, по усмотрению самих евреев» [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46/194. Л. 80–81].

Примером возникновения искусственных сложностей в деле исполнения иудейских обрядов может послужить дело Ицко Гуревича, длительное время исполнявшего обязанности раввина и учителя еврейской грамоты в Петрозаводске. Для совершения богослужений евреи, имевшие право проживания в Петрозаводске, приобрели дом, в котором разместилась молельная. Из-за отсутствия казенного раввина они избрали виленского мещанина Ицко Гуревича, которого считали «по образу жизни и способностям своим» «вполне достойным этого звания». Немаловажным критерием выбора стало наличие у него необходимой квалификации: у Гуревича имелось «на право исполнения духовных треб по еврейскому закону от казенного раввина свидетельство» [Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1/16. Л. 2]. Нанятый петрозаводскими евреями Гуревич в течение девяти лет совершал бракосочетания, обрезания младенцев и другие обряды не только в губернском городе, но и в других городах Олонецкой губернии, «где в уездных командах состоят на службе женатые нижние чины из евреев и у которых рождаются дети» [Там же. Л. 2 об.]. Все это время Гуревич жил за счет «еврейского общества» и пользовался в нем заслуженным уважением.

Решение начальства о высылке такого подготовленного и авторитетного в еврейской среде человека вызвало серьезное недовольство петрозаводских евреев. В своем прошении они указывали: «За выбытием Гуревича из города Петрозаводска и по неимению в среде нашей такого человека, который бы по способностям своим занял его место, мы должны будем остаться без исполнения необходимых духовных треб по еврейскому закону». Евреи просили оставить Гуревича в Петрозаводске «в том внимании, что по неимению в городе Петрозаводске казенного раввина мы заменяющего его обязанность содержим за собственный свой счет, как равно за собственный свой же счет нанимаем и дом для молельной, не требуя ни от казны и ни от города особого для сего по закону положенного помещения» [Там же. Л. 3].

Однако перед лицом начальства еврейское сообщество не проявило сплоченности. Группа евреев — петрозаводских мещан — подали прошение, в котором указывали, что «общество их заключается из немалого числа лиц, в особенности нижних воинских чинов из евреев». В соответствии с их традициями

«требуемое в пищу мясо должно употребляться чрез особого из их же сословия так называемого резака». Кандидатура на эту должность обнаружилась быстро: «Прибыл в Петрозаводск еврей виленский мещанин Ицко Гуревич и изъявил перед обществом согласие заступить должность резака с прочими обрядами». Его приезд оказался кстати: «Он, Гуревич, был к тому допущен, и еврейское общество просило губернское правление разрешить Гуревичу остаться на жительство в Петрозаводске для исполнения обязанности резака». Но теперь «означенный Гуревич сделался для многих членов еврейского общества совершенно бесполезным: он устроил в квартире своего жительства особое заведение под названием “учильня” и заготовленные для общества мясо и рыбу отсылает для распространения в разные селения, где только евреи проживают». Между тем «всякий из членов их общества имеет неотъемлемое право исправлять обязанности резака со всеми к оному обрядами». Поэтому «в Гуревиче, как бесполезном для общества лице, никакой надобности не имеется» [Там же. Л. 24].

Постановление губернского правления о высылке Гуревича подателя прошения признали правильным. Они удивлялись лишь промедлению в его осуществлении: «Распоряжение это неизвестно по каким уважительным причинам остается без исполнения в продолжение уже трех с половиной лет». Опираясь на прошение самих евреев, губернское правление потребовало от Гуревича немедленно покинуть Петрозаводск, а от полиции — принять меры к его выселению. В свою очередь, местная полиция вступилась за Гуревича, указав, что у него имеется законный паспорт и свидетельство о знании им ремесел точильщика и шлифовальщика. «За сим, — говорилось далее в документе, — по мнению полиции, не дозволять Гуревичу жительства в Петрозаводске невозможно».

Оказалось, что Гуревич хорошо подготовлен во многих отношениях: у него имелось свидетельство в том, что он действительно точильщик и шлифовщик, выданное ремесленной управой. Раввин города Люцина «письменно удостоверил», что Гуревич «хорошо знает, согласно еврейского религиозного закона, искусство резания крупного и мелкого скота и птицы на кошер». Этот же раввин «испытывал его, Гуревича, в религиозных еврейских законах, относящихся к обряду резания скота на кошер, и он оказался изустно знающим это дело» [Там же. Л. 28.]. Местный врач Андрусевич придерживался аналогичной точки зрения. Он отмечал подготовленность Гуревича в деле обрезания еврейских младенцев: «Он в продолжение десятилетия занимается по своему закону обрезанием у новорожденных евреев; операцию эту неоднократно производил под

наблюдением его, врача, весьма искусно. Подобный человек при многочисленном населении евреев в городе Петрозаводске не только полезен, но и необходим» [Там же. Л. 28 об.].

Однако в 1872 г. ситуация для карельских евреев изменилась в худшую сторону. В частности, это проявилось в принудительной высылке Гуревича из Петрозаводска. Как говорилось в документах, высылка необходима «по поводу того, что он не занимается здесь никаким мастерством, хотя он и знает точильное мастерство». Более того, исполнение обязанностей раввина препятствует ремеслу: «Будучи избранным к исполнению обязанностей раввина и к обучению детей еврейской грамоте, оставил означенное занятие» [Там же. Л. 30].

В конце 1880–1890 гг., как говорилось выше, в городах Европейского Севера начали формироваться еврейские общины, которые активно отстаивали свои права на отправление религиозных обрядов. Так, в 1888 г. архангельское «еврейское общество», собравшись в синагоге, приняло решение найти «законного раввина». Для оплаты его услуг евреи обязывались ежемесячно собирать 60 рублей в том случае, если раввин примет на себя обязанности резака, и 40 руб. в том случае, если кандидат на должность согласится выполнять лишь обязанности раввина. Обращение евреев к петербургскому раввину Драпкину принесло желаемые плоды: готовность стать архангельским раввином, как видно из его письма, адресованного архангельскому полицмейстеру, изъявил С.Х. Бейлин, купеческий сын, бывший студент Харьковского университета [ГААО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 586. Л. 2, 21]. В 1905 г. «архангельское еврейское общество» избрало на должность раввина другого своего представителя — помощника провизора Ю.З. Трейваса. Новоявленный раввин обязывался заниматься совершением обрядов, ведением метрических книг «без особой платы», а община евреев обязывалась ежемесячно платить ему вознаграждение и «по вознаграждению его не злоупотреблять» [Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3853].

Видя успешное решение непростой проблемы поиска раввина в соседней губернии, вологодские евреи возлагали большие надежды на архангельскую общину. Новое рассмотрение вопроса о религиозной жизни еврейской общины Вологды относится к 1893 г. Проживавшие в Вологде евреи подали в губернское правление прошение, в котором, «ссылаясь на малочисленность и бедность вологодского еврейского общества», ходатайствовали о причислении их к ведению архангельского раввина. Вологодское начальство, рассмотрев документ, вынесло отрицательное заключение. Как выяснилось, в числе подавших прошение имелись и те евреи, которые проживали за

чертой оседлости временно. Второй причиной для отказа стали расстояния: Архангельск находится слишком далеко от Вологды. Следовательно, «для архангельского раввина представляется видимая невозможность за дальностью расстояния, в особенности в зимнее время, в делах веры удовлетворять потребностям вологодского еврейского общества и лично совершать почти постоянно требующиеся их религиозные обряды» [Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 758. Л. 78].

В 1894 г. вологодское губернское начальство вновь обратилось к актуальной проблеме существования еврейского молитвенного дома. Вопрос на этот раз решался положительно. Как говорилось в адресованном губернатору предписании Департамента духовных дел, вологодским евреям разрешалось «с тем, чтобы проживающие в городе Вологде евреи, не имеющие возможности по малочисленности и бедности содержать особого раввина, для исполнения духовных треб и исполнения обрядов веры приглашали раввина из еврейской молельни в городе Рыбинск». В соответствии с этим предписанием в Вологде появился еврейский молитвенный дом, начальство озаботилось формированием еврейского «особого правления» в соответствии с российским законом [Там же. Д. 1002. Л. 20]. К 1908 г. относится первое упоминание в материалах делопроизводства об избрании раввина для Вологды и Вологодской губернии. По решению еврейского молитвенного общества, утвержденному губернатором, им стал провизор Е.А. Гейльперин [ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6349. Л. 2].

Таким образом, изучение имеющихся документов показывает, что судьба каждого отдельного представителя еврейского народа становилась головной болью для деятелей местной власти. С огромными трудностями было связано прежде всего выяснение законодательных норм, на основании которых следовало действовать, определяя права и обязанности евреев на той или иной территории Российской империи. Эти нормы постоянно менялись, противоречили друг другу.

Существенные трудности возникали при выяснении рода занятий евреев. Многие из них занимались целым рядом ремесел и имели разные источники дохода. При этом одни источники доходов для евреев были запрещены, а другие — разрешены. Отсюда проистекали серьезные трудности в решении духовных вопросов. Так, сложным оставался вопрос о деятельности раввинов или тех лиц, на которых возлагалось совершение религиозных обрядов. Их деятельность была необходима, по край-

ней мере для записи актов гражданского состояния. Однако находиться таким лицам за пределами черты оседлости, если только они не занимались ремеслом, категорически запрещалось. Все это в совокупности приносило многочисленные неприятности обеим сторонам: самим евреям и тем, кто по долгу службы решал их судьбы.

Наше исследование показывает: адаптация еврейских диаспор к условиям Европейского Севера носила комплексный характер. Основной причиной и стимулом для адаптации стало противоречие между нормами законодательства и практическими нуждами. Очевидно, что потребность в еврейском населении возрастала по мере усиления капиталистического элемента в хозяйственном укладе городов Европейского Севера России. Другим существенным противоречием стали жесткие нормы законов и степень психологической готовности большинства чиновников применять их на практике. Возвращение евреев за черту оседлости иногда тормозилось по не вполне доступным для изучения причинам, в числе которых предположительно можно назвать низкую эффективность бюрократического аппарата, невнятность требований законодательства, которые к тому же постоянно менялись, коррупцию. Вполне допустимо предположить, что отдельные чиновники руководствовались в своих действиях гуманными побуждениями.

Прибывающие в города Европейского Севера евреи отлично понимали: выживание в новых условиях потребует от них максимального трудолюбия, учета интересов местного населения, незаурядной экономической активности. Обратной стороной процесса адаптации стало сохранение всех важнейших элементов еврейской культуры. Приспосабливаясь к нелегким условиям, еврейское население самым тщательным образом заботилось о поддержании своей идентичности. С одной стороны, печальный исторический опыт приучил их к осторожности: «Еврейский народ исторически отвык сознательно творить свою жизнь, приучился пассивно выжидать событий» [Жаботинский 1911: 109]. С другой стороны, длительные гонения приучили евреев к стойкости. Об этом красноречиво сказал известный публицист, автор ряда книг и множества статей по еврейскому вопросу в императорской России С.М. Дубнов: «Молот российской реакции бил по организму пятимиллионного народа, но к концу оказалось, что тяжелый молот не дробил, а ковал еврейский национальный организм в его неистребимом духовном существе» [Дубнов 1922: 20]. Евреи четко представляли себе цель, к которой следовало стремиться, — максимальная адаптация в российском обществе. Для них непременным условием самосохранения оставалось поддержание как

деловых, так и дружественных отношений с местным населением.

Отношение губернских администраций и местных жителей к еврейскому населению оставалось двойственным. В отличие от еврейского населения, точно знавшего свои цели и настойчиво стремившегося к ним, чиновничий аппарат не смог разработать четкую линию поведения в отношении евреев. Местные жители были заинтересованы в образованных, энергичных переселенцах, которые быстро осваивали местный потребительский рынок, применяя прогрессивные методы торговли (например кредит). Однако местные предприниматели не без оснований опасались конкуренции со стороны евреев и внимательно, ревниво следили за их успехами.

Российское законодательство о евреях оставляло местной власти широкое поле деятельности. Степень жесткости мер, принимавшихся против евреев, в значительной степени зависела от личной инициативы тех или иных губернаторов, министров или даже рядовых чиновников. Неудачливые конкуренты евреев стремились использовать возможности репрессивного аппарата для реванша. Это резко обостряло обстановку вокруг и внутри еврейских общин, но не могло помешать росту их численности и влияния.

Список сокращений

ГААО — Государственный архив Архангельской области

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

НА РК — Национальный архив Республики Карелия

Библиография

Высочайше утвержденное 9 декабря 1804 г. Положение «Об устройстве евреев» // Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М., 1997. С. 261–272.

Галашова Н.Б. Внутренние противоречия как фактор развития еврейских общин Томской губернии (конец XIX — начало XX в.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Красноярск; Барнаул, 2005. Вып. 9. С. 34–41.

Дубнов С.М. Евреи в России в царствование Николая II. Пг., 1922.

Дубнов С.М. Евреи в России и в Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. М.; Пг., 1923. Кн. 1.

Жаботинский В. Письма о национальностях и областях. Еврейство и его настроения // Русская мысль. 1911. Кн. 1. С. 95–114.

Западные окраины Российской империи. М., 2006.

История евреев России. М., 2007.

- Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772—1825. М.; Иерусалим, 2000.
- Клюева В.П.* Религиозная жизнь евреев в Тобольской губернии (середина XIX — начало XX в.): скандалы и проблемы // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Красноярск; Барнаул, 2005. Вып. 9. С. 42—49.
- Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 2006.
- Миндлин А.* Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX в. // Вестн. Еврейского ун-та в Москве. 1996. № 2. С. 81—103.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1.
- Пудалов Б.М.* Евреи в Нижнем Новгороде: XIX — начало XX в. Н. Новгород, 1998.
- Рабинович В.Ю.* История сибирских евреев: проблемы и поиски // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX—XX вв. Красноярск, 2004. С. 3—13.
- Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. Издание Еврейского колонизационного общества. СПб., 1904. Т. 2.
- Свод законов Российской империи, издания 1857 г. СПб., 1857. Т. 11: Уставы духовных дел иностранных исповеданий.
- Соболевская О.* Социальное и индивидуальное в мире еврейской культуры. Беларусь, конец XVIII — первая половина XIX в. Проблемы еврейского самосознания. М., 2004. С. 113—118.
- Туган-Барановский М.И.* Антисемитизм в современной России // Вестн. Еврейского ун-та в Москве. 2004. № 9. С. 359—366.
- Шаляпин С.О.* Религиозная ситуация на Русском Севере в исторической перспективе (XIII—XIX вв.) // Религиозная жизнь Архангельского Севера: история и современность. Архангельск, 1997. С. 6—21.
- Ш-н В.* Предание о реке Халуе (Каргопольского уезда Ошвенской волости) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 12. С. 461—462.
- Юхнева Н.* «Мы были ... мы жили» (О расселении евреев-ашкеназов в России) // Вестн. Еврейского ун-та в Москве. 1992. № 1. С. 75—82.